

СИСТЕМНОСТЬ В ПРАВЕ (на примере уголовного права)

Системность права является отражением системности законодательства, но не точным, а спроецированным на правовую деятельность, в том числе на ее политические, экономические, социальные, исторические, международные и другие аспекты.

Что касается системности в уголовном праве, то она здесь понимается в двух основных смыслах, а именно, во-первых, в смысле *уголовно-правовой системы* как системы основных концептуальных положений уголовного права (конституционные, морально-нравственные, международно-правовые, исторические, иные его основы, задачи, методы, принципы и др.) а, во-вторых, в смысле *системы уголовного права* как системы основных его элементов (частей, звеньев и т.п.).

Системность в уголовном праве в собственном ее значении (в значении системы основных элементов данной отрасли права) проявляется, по меньшей мере, трояким образом, а именно через *систему*, во-первых, норм и институтов уголовного законодательства, во-вторых, составных частей (элементов) уголовного права как отрасли права (то есть как явления, более широкого, чем уголовное законодательство) и, в-третьих, составных частей (элементов) уголовного права как науки (как уголовного правоведения).

Принято считать, что система уголовного законодательства включает Общую и Особенную часть. В свою очередь Общая его часть включает три блока норм, а именно нормы о самом уголовном законе, о преступлении и наказании, а Особенная часть – нормы об ответственности за преступления против: а) человека, б) общества, в) государства и г) человечества.

Что касается системы *науки* уголовного права (уголовного правоведения), то, повторяя в основном систему уголовного законодательства, она, по-

мимо прочего (уголовное законодательство, его действие, уголовная политика, лица, подлежащие уголовной ответственности и наказанию, преступления, наказания, практика применения уголовного законодательства, совершенствование данной практики и данного законодательства, др.), включает, помимо прочего: а) уголовно-правовое науковедение, б) исторический опыт и современное состояние российского уголовного законодательства, уголовного права и уголовного правоведения, в) исторический опыт и современное состояние зарубежного и международного уголовного законодательства, права и правоведения.

Уголовный закон играет важную роль в формировании общей системы законодательства, ориентируя и мобилизуя ее на охрану правопорядка от преступлений. Сам термин «уголовный закон» происходит, как мы полагаем, от слова «главный» («головной», «угловой», «краеугольный»...). Как закон силы, закон права «казнить и миловать», уголовный закон первым пришел в этот мир и, как видно, последним сойдет с исторической сцены, если этому когда-нибудь вообще будет суждено состояться.

Что может послужить основанием *сужения*, а в дальнейшем, может быть, и сведения к минимальнейшему минимуму сферы уголовно-правового реагирования? Вначале, по всей вероятности, канут в Лету насильственные преступления – убийства, умышленные причинения вреда здоровью, побои, истязания, изнасилования, похищения людей, торговля ими, разбойные нападения, бандитизм, террористические акты, захваты заложников и др. Затем сложат с себя преступные «полномочия» так называемые «честные воры» и другие корыстные аферисты – мошенники, фальшивомонетчики, разного рода «черные маклеры» и т.п. Ну а в дальнейшем мало-помалу будут сходить «на нет» и последние «могикане» криминальной действительности, а именно лица, совершающие преступления по неосторожности, в том числе такие, как нарушение правил охраны труда, правил безопасного выполнения работ на объектах повышенной опасности, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и т.п.

Как показал 76-летний (1917-1993 гг.) опыт строительства в нашей стране общества «высшей социальной справедливости», процесс этот, однако, не может происходить «по Ленину», то есть путем «постепенного отмирания эксцессов». Он будет происходить прежде всего, если так можно выразиться, путем *выжигания* преступности каленым железом уголовного права. Преступность сама по себе никогда не сдаст свои позиции. Какой бы совершенной не была цивилизация в обозримом (а тем более в необозримом) будущем, в ней всегда найдется место какому-нибудь «бунтарю-одиночке», в котором в какой-то явно не лучший для него день взиграет «зов предков» и он выйдет «за флажки» норм, вошедших в плоть и кровь остальных людей, ставших для них такими же привычными, как одежда, душ, уютный дом, теплая постель и отзывчивая женщина в ней. Наверное, найдется в том же будущем и место управленцу (распорядителю, руководителю, контролеру и т.п.), подверженному соблазну извлечь из своего предпочтительного положения ту или иную дополнительную (сверхдостаточную) пользу для себя. И подобно тому, как ребенок постепенно отвыкает от того, чтобы трогать рукой горячий чайник, так и тот же «бунтарь-одиночка», корыстолюбивый управленец, любой другой подверженный криминальному «вирусу» человек в результате постоянного и достаточно жесткого, но вполне адекватного по строгости и справедливого по сути реагирования на его далеко уже не детские «проказы» и «шалости» будет постепенно, но неуклонно избавляться от них.

«Выжигание» преступности «каленым железом» уголовного права, с одной стороны, а с другой – «вылизывание» ее «шершавым языком» культуры и прочих менее жестких средств во многом уже сейчас сделали свое дело. Люди спокойно ходят по улицам (во всяком случае в светлое время суток), не опасаясь ни «ножа в спину», ни «выстрела в упор». Но никто не знает сегодня, стало бы такое возможным, если бы в прошлом не колесовали и не четвертовали преступников, не вешали их и не заливали им горло расплавленным свинцом, не топили их в воде, не закапывали живьем в землю, не сжигали заживо и не разрывали на части, привязывая к наклоненным березам, не сажали их на кол,

на рвали им ноздри и не отрывали уши, не клеймили их, в конце концов. Анкетные опросы студентов-юристов показывают, что они склоняются к тому мнению, что все эти жестокости были не столько проявлением произвола тогдашней власти – неразборчивой и неумеренной во всем, в том числе и в применяемых к падшим жестокостях, сколько необходимостью. Посредством жестокостей человечество буквально вытаскивало себя из того варварского состояния, в котором пребывало долгие тысячелетия и в котором оно могло остаться и до сих пор, как сохраняются еще кое-где людоедство и прочие атрибуты начального бытия человеческой истории.

Системообразующее значение уголовного закона проявляется через *уголовное право*, представляющее собой право граждан, общества, государства и всего человечества *на защищенность от преступлений* средствами как самого уголовного закона, так и мобилизованными им для этой цели всеми иными средствами, в том числе средствами (нормами) гражданского, административного, финансового, налогового, трудового и других отраслей права. Например, налоговый инспектор, пресекая неуплату налогов и (или) сборов как налоговое правонарушение, вместе с тем «на корню» пресекает и способное развиться из этого правонарушения *налоговое преступление*, а следовательно, реализует одно из важнейших требований уголовного закона – требование о принципиальной недопустимости совершения преступлений.

Как процесс функционирования уголовного права следует понимать и меры, принимаемые в порядке возмещения причиненного преступлением материального ущерба и компенсации вызванного им морального вреда. К уголовно-правовым мерам (в широком их понимании) следует относить и те меры, которые принимаются по лишению преступника благ, полученных им, например, в результате злоупотребления полномочиями, превышения их, самоуправства и т.п. – как равно и меры по лишению, например, взяточдателя благ, полученных им в виде взятки.

Идет ли милиционер по улице, контролирует ли дорожное движение работник ГИБДД, проверяет ли сотрудник ломбарда сдаваемую ему в обеспече-

ние исполнения договора займа вещь (на предмет – «не ворованная ли?») – все это есть уголовное право. Разумеется, в самом широком его понимании. Врач, извлекающий из тела потерпевшего криминальную пулю, борется с преступностью точно так же, как и милиционер, задерживающий вооруженного преступника, пославшего эту пулю в цель.

Уголовное право в широком его значении (в широком.., но уже с учетом другой пространственной «координаты») включает, наряду с материальным правом (собственно уголовным правом), право уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, уголовно-следственное (правовая регламентация криминалистической деятельности), уголовно-тактическое (правовая регламентация оперативно-розыскной деятельности), уголовно-предупредительное (правовая регламентация криминологической деятельности).

Таким образом, наряду с нормами уголовного закона, уголовное право включает всю систему *иных правовых* норм, применяемых в комплексе и параллельно с ними (нормами уголовного закона) в целях охраны интересов граждан, общества, государства и всего человечества от преступлений.

Но уголовное право не было бы правом в полном смысле этого слова, если бы оно, помимо широкого спектра норм, не включало, наряду с органами уголовной юстиции, *иные правоохранительные органы и всю систему государственных органов и органов местного самоуправления, институты гражданского общества, а также деятельность названных органов, функционирование названных институтов.*

И, конечно же, в «состав» уголовного права входят также *усилия мирового сообщества* в направлении охраны мирового правопорядка от преступлений.

Неотъемлемой составной частью уголовного права является и сам охраняемый уголовным законом *правопорядок*, содержанием которого является установленный правом порядок в обществе, государстве и в мире в целом, а если сказать по-иному, то – право граждан, общества, государства и всего человечества на защищенность от преступлений.

Уголовное право, как элемент системы управления поведением человека, а следовательно – и общественными процессами (и обществом в целом), безусловно, включает и *охраняемые уголовным законом ценности*. Ночному сторожу не принадлежит охраняемое им «добро», а уголовному праву – «принадлежит». Почему? Да потому, что уголовное право – категория государственная. Не случайно в п. «о» ст. 71 Конституции РФ уголовное право в числе отраслей права поставлено на *первое место*. Не охраняя соответствующие ценности как свое собственное «добро», уголовное право не может достаточно эффективно выполнять свою историческую миссию – миссию охраны правопорядка от преступлений. Если страна обескровлена экономически, если она деградирует духовно и физически, а за рубеж интенсивно вывозятся последние ресурсы, то для наведения порядка одного «шершавого языка...» явно не достаточно. Здесь нужна хотя и грубая, но спасительная сила уголовного закона, способная все поставить на свое место, включая решение поставленной еще М.В.Ломоносовым задачи «сбережения народа российского».

В целях обеспечения строго ориентированной направленности норм уголовного закона, норм других отраслей права, такой же направленности органов и институтов на охрану правопорядка и на мобилизацию для решения этой задачи всех доступных гражданам, обществу, государству и человечеству сил и средств уголовное право вырабатывает в самом себе *уголовную политику*, представляющую собой как раз тот его ориентирующий и мобилизующий фактор, без которого нет и не может быть никакого права вообще.

Уголовное право охраняет примерно 100 объектов – важнейших ценностей нашей жизни, воплощенных в интересах граждан, общества, государства и человечества. Учитывая системообразующее значение этих объектов, в частности, для Особенной части Уголовного кодекса РФ (УК РФ, УК), важно, как можно, точнее определить в них приоритеты, расставить в соответствии с ними необходимые акценты в законодательстве.

Так, на первом месте в Особенной части УК РФ должны быть поставлены интересы всего человечества, на втором – интересы национальной безо-

пасности и общественного порядка, на третьем – интересы отдельных личностей, на четвертом – интересы экономики и, наконец, на пятом – интересы государства. Предложенная «иерархия» ценностей должна отчетливо просматриваться и в других отраслях законодательства, и прежде всего – в Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Изучению объектов конкретных видов преступлений должно уделяться в уголовном правоправедении более пристальное внимание. Эти объекты надо изучать не только как элементы соответствующих составов преступлений (в смысле указанных в уголовном законе *признаков* ценностей), но и как *сами ценности*, охраняемые уголовным законом, как *объекты уголовно-правовой охраны*. Эти объекты следует рассматривать не просто как определенные правовые модели ценностей, а именно как сами эти ценности, причем не как «существующие» отдельно от других ценностей, а в контексте соответствующих сфер жизнедеятельности.

Специалист уголовно-правовой деятельности считается настоящим профессионалом своего дела не только потому, что хорошо знает нормы уголовного закона, но еще и потому, что является (по крайней мере, должен являться) прекрасным знатоком всего того, что находится за «паутиной» этих норм. А там – сама жизнь. Ведь уголовное право в противодействии преступлениям не ограничивается наказаниями. За его гигантской, поистине «шварцнегеровской» фигурой с мускулистыми бицепсами стройными рядами формируется вся остальная «гвардия» правовых норм, призванная держать «стойку» против ударов преступности. Каждая из них всяк по-своему творит правопорядок, придавая ему, вместе с тем, необходимую антикриминальную устойчивость. Делается это с полным пониманием того, что если *есть* преступления, если общество мирится с условиями допустимости и распространенности преступлений, а попросту говоря – попустительствует им, то оно – обречено и исчезает с лица земли с такой же неизбежностью, с какой пустыня поглощает пространства, если вырубаются леса и ничего не делается для того, чтобы предотвратить беду. Нет и не будет в этом случае никакой положительной перспек-

тивы для реализации любых других норм, для осуществления реформ и проектов, включая национальные, для достижения самых замечательных целей. Поступательное движение общества вперед и вверх остановится и медленно, может быть даже незаметно для невооруженного глаза, станет неуклонно проявляться губительная сила, способная привести не только к очередному государственному перевороту, дефолту или распутинщине в органах власти и управления, но и к общему краху страны, то есть к полнейшей ее гибели – подобно гибели, постигшей Содом и Гоморру, которые, согласно библейской легенде, погрязли в разврате и прочих пороках.

Да и в самом себе уголовное право находит такие «резервы», которые далеко выводят данную отрасль права за пределы наших традиционных представлений о ней («тащить и не пущать», «попался – в тюрьму...»). Наделяя каждого гражданина правом на активную оборону от преступлений, на активное задержание преступника, уголовное право как бы говорит всем нам: «Поставить милиционера на каждом квадратном метре безбрежного пространства России я не могу, а поэтому там, где в тот или иной момент милиционера не окажется, защищайся кто как может...».

Как это ни странно может звучать, но определенную часть забот по борьбе с преступностью уголовное право возлагает и на самих преступников, которые в соответствии с велениями уголовного закона должны прекращать начатые преступления, каяться и сотрудничать со следствием, заслуживая тем самым прощение и милость правосудия. Заунывные хрипы и стоны так называемых «блатных» песен, написанных песенными поэтами (например, Таничем в «Лесоповале»), призванные показать «тонкую и ранимую душу» человека, переступившего черту дозволенного, претендуют на то, чтобы вывести его (этого человека) на путь подлинно духовных ценностей. «Спасение утопающих – дело самих утопающих!» – лозунг не такой уж наивный, если иметь в виду чисто российскую «специфику» проблемы криминализации и декриминализации нашего населения.

Таким образом, уголовное право – это, может быть, даже не столько сам уголовный закон, не столько преступления и наказания, и все, что с этим *непосредственно* связано, сколько сам защищенный данным законом от преступлений *правопорядок*, являющийся неременным условием нормальной жизни людей, обязательным атрибутом оптимального функционирования всех сфер жизнедеятельности.

Итак, какими мы видим перспективы совершенствования системы Общей части уголовного законодательства, то есть перспективы создания ее в таком виде, который позволял бы совершенствоваться самому обществу?

Полагаем, что УК РФ должен начинаться с преамбулы. Она может быть, например, следующего содержания:

«Уголовный кодекс Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права и является главной составной частью непосредственной правовой основы всеобъемлющей государственной и общегражданской деятельности, направленной на вытеснение преступлений и иных правонарушений из жизни общества. Все другие входящие в данную основу законы, а также иные законы и подзаконные нормативные правовые акты как акты, создающие в совокупности единый комплекс правовых средств вытеснения преступлений и иных правонарушений из жизни общества, должны соответствовать Уголовному кодексу Российской Федерации».

В случае включения в Уголовный кодекс РФ предложенной преамбулы часть вторую первой статьи Кодекса, указывающую на то, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права», предлагается, во избежание дублирования, признать утратившей силу.

Весьма важным было бы дополнить раздел первый УК РФ («Уголовный закон») новой главой (2¹) – о толковании и применении уголовного законодательства, а раздел 2 («Преступление») – главами 4¹ и 4², которые содержали

бы положения соответственно об объекте и объективной стороне преступления.

Требуется определить в УК РФ и понятие самого состава преступления.

Желательно включить в перечень принципов уголовного законодательства принцип неотвратимости ответственности за преступления, шире обозначить в Общей части УК РФ особенности уголовной ответственности и наказания женщин, предусмотреть в отношении их (как и в отношении некоторых других категорий лиц) возможность применения взамен наказания иных уголовно-правовых мер, в том числе таких, как предупреждение, профилактическая беседа, возложение обязанностей, способствующих исправлению виновной.

Система Особенной части уголовного законодательства должна быть, как мы полагаем, дополнена сведениями об основаниях (критериях) криминализации и пенализации деяний, особенностях различных видов диспозиций и санкций, о системе квалифицирующих признаков составов преступлений, об общих и специальных правилах квалификации преступлений, общих и специальных правилах назначения наказаний, в том числе за отдельные виды, группы и категории преступлений.

С учетом того, что свыше одной трети статей Особенной части УК РФ не применяется (или почти не применяется), необходимо глубоко и всесторонне вникнуть в суть этой проблемы, исследовать причины такого состояния. Если норма не применяется потому, что соответствующее деяние *не совершается* – это одно, но если она не применяется по другой причине (например, по причине неповоротливости правоохранительных органов, непрофессионализма сотрудников этих органов, объективных трудностей по установлению событий преступлений или потому, что низка сама «ухватистость» нормы – в силу несовершенства последней), то это – совсем другое.

Редкое применение нормы по причине отсутствия для нее «работы» (нет достаточно широкой распространенности соответствующего деяния) может свидетельствовать о целесообразности исключения ее из системы законода-

тельства (признания ее «утратившей силу»). Но такая целесообразность создается обозначенной ситуацией не всегда. Например, сравнительно редкое применение статей Уголовного кодекса РФ о таких не часто совершаемых преступлениях, как убийство и умышленное причинение вреда здоровью (тяжкого или средней тяжести) *при превышении пределов необходимой обороны и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление*, доведение до самоубийства, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, незаконное помещение в психиатрический стационар, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий, воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в нем, подмена ребенка, совсем не означает, что названные деяния следует декриминализовать. Зло должно быть обозначено в законе как зло даже в том случае, если оно проявляется в реальной действительности хотя и не часто, но все же – довольно выразительно и... вызывающим образом.

Если же норма применяется редко по причине неповоротливости правоохранительных органов, низкого уровня профессионализма сотрудников этих органов (сказанное относится, например, к статьям УК РФ о заражении венерической болезнью, заражении ВИЧ-инфекцией, незаконном производстве аборта, неоказании помощи больному, использовании рабского труда, понуждении к действиям сексуального характера, нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина, нарушении неприкосновенности частной жизни, необоснованном отказе в приеме на работу или необоснованном увольнении беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет, воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности), то здесь должна активнее проявить себя *побуждающая сила уголовной политики*.

Не частое применение норм по причине объективных трудностей установления событий соответствующих преступлений (например, в случае совершения таких преступлений, как незаконное усыновление (удочерение), ре-

гистрация незаконных сделок с землей, незаконная банковская деятельность, недопущение, ограничение или устранение конкуренции, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения, подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней, фиктивное банкротство, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб, незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью, недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями) однозначно требует повышения уровня профессионализма сотрудников правоохранительной системы.

Если же норма редко применяется по причине ее несовершенства, то она должна быть соответствующим образом скорректирована. Это касается, например, статей УК РФ об ответственности за присвоение полномочий должностного лица, незаконное участие в предпринимательской деятельности, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, незаконное освобождение от уголовной ответственности, незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, провокацию взятки или коммерческого подкупа, противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации.

Почти не применяются нормы об ответственности за государственную измену, шпионаж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж, диверсию, разглашение государственной тайны, утрату документов, содержащих государственную тайну, преступления против мира и безопасности человечества, но исключать их из УК РФ, конечно же, не

следует, ибо они криминализуют хотя и редко совершаемые, но весьма опасные деяния.

Количество внесенных за последнее десятилетие в Уголовный кодекс РФ изменений и дополнений настолько велико (свыше тысячи), что это придало ему в итоге совершенно новое качество (состояние), требующее соответствующего официального оформления, то есть принятия, на наш взгляд, *новой редакции* Кодекса.

Работу по составлению проекта нового Уголовного кодекса РФ важно проводить без спешки, тщательно прорабатывая каждый аспект данной задачи. Возможно, завершить эту работу придется только после того, как будет принята новая Конституция РФ, призванная закрепить сложившиеся на сегодняшний день реалии, включая вставшие в настоящее время перед страной новые задачи, в том числе в области права.

В завершение сформулируем свое представление об уголовном праве как об отрасли права. В нашей интерпретации уголовное право как отрасль должно трактоваться как система правовых норм и основанной на них правовой деятельности, *регулирующая* общественные отношения, связанные с совершением преступлений (правоохранительные, организационные, информационные), путем законодательного установления и практического осуществления преступности и наказуемости общественно опасных деяний для решения задач: а) охраны правопорядка от преступлений; б) противодействия преступлениям – противодействия, осуществляемого посредством наказаний, применяемых наряду и в сочетании с иными правовыми мерами; в) информирования граждан о ситуации, складывающейся в данной сфере – в целях удержания их от совершения преступлений.

В наглядной форме приведенное определение может выглядеть, например, так:

«Уголовное право как отрасль права есть
система

правовых норм и основанной на них правовой деятельности,

регулирующая

общественные отношения, связанные с совершением преступлений
(правоохранительные, организационные, информационные),

путем

законодательного установления и практического осуществления

преступности и наказуемости

общественно опасных деяний

для решения задач:

а) охраны правопорядка от преступлений;

б) противодействия преступлениям – противодействия, осуществляемого посредством наказаний, применяемых наряду и в сочетании с иными правовыми мерами;

в) информирования граждан о ситуации, складывающейся в данной сфере – в целях удержания их от совершения преступлений».

Таким образом, уголовное право регулирует общественные отношения, связанные с совершением преступлений (правоохранительные, организационные, информационные), выполняя тем самым регулирующую функцию. А так как регулируемые уголовным правом общественные отношения (связанные с совершением преступлений) различны (правоохранительные, организационные, информационные), то общая регулирующая функция уголовного права проявляется в соответствующих подфункциях, а именно в подфункциях: а) правоохранительной, б) организационной и в) информационной.

Правоохранительные отношения – отношения, регулируемые *путем* установления преступности и наказуемости общественно опасных деяний, организационные отношения – отношения, регулируемые *путем* организации противодействия преступлениям (противодействия, осуществляемого в свою очередь посредством использования наказаний, применяемых наряду и в сочетании с иными правовыми мерами), информационные отношения – отношения, регулируемые *путем* информирования граждан о ситуации, складывающейся в данной сфере – в целях удержания их от совершения преступлений.

Правовое государство, конечно же, *обязано* информировать граждан о ситуации, складывающейся в рассматриваемой сфере – и не только потому, что оно должно стремиться таким способом (в том числе таким) удерживать граждан от совершения преступлений, но еще и потому, что не может позволить себе, чтобы в глазах граждан восприниматься как учреждение, таящее в отношении их какое-то «секретное» («зловещее», «недоброе», «особо разящее» и т.п.) оружие, о котором в народе могут сказать – «камень за пазухой» или, может быть, «кукиш в кармане».

Сведения об авторе:

Панченко Павел Николаевич,

зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса

факультета права Нижегородского филиала

Государственного университета – Высшей школы экономики,

доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН,

член РАЮН, член Российской криминологической ассоциации,

руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам

Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижегородский филиал Государственного университета – Высшей школы экономики, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831-2)-16-95-35.

Электронный адрес: panvest@mail.ru

Домашний адрес (для корреспонденции):

603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293.

Домашний адрес как таковой:

603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корпус 5, квартира

67.

Домашний телефон: 8-(831-2)-58-81-29.